

УДК 903.01/09

Т. Утмайер

*Институт преемственности и протоистории, Университет Кёльна, Германия
 Institut für Ur- und Frühgeschichte, Weyertal, 125, Köln, D-50923, Germany
 E-mail: thorsten.uthmeier@uni-koeln.de*

ОРИНЬЯК, ЧЕЛОВЕК СОВРЕМЕННОГО ТИПА И ПРОБЛЕМА ПЕРЕХОДА ОТ СРЕДНЕГО К ВЕРХНЕМУ ПАЛЕОЛИТУ В СЕВЕРНОЙ АЗИИ: ВЗГЛЯД ИЗ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ*

Введение

Прежде всего, мне хотелось бы поблагодарить авторов обсуждаемой статьи. Географические (от Анталии до Японии) и хронологические (от 200 000 до 10 000 л.н.) рамки [Отт, Козловский, 2001, с. 52] обсуждаемых в статье археологических материалов позволяют по-новому рассмотреть проблему перехода от среднего к верхнему палеолиту. Вопросы, связанные с формированием физического типа *Homo sapiens*, расселением анатомически современных людей по Земному шару, а также с исчезновением неандертальцев действительно входят в круг евразийской проблематики. Обсуждая эти проблемы, авторы делают всесторонний обзор материалов, поступивших из тех регионов, сведения о которых были или же до сих пор остаются недостаточными (например, Китай [Там же, с. 58 – 59]). Поэтому обсуждаемая статья действительно дает “основу для новых размышлений” [Там же, с. 61]. Авторы достаточно осторожны в оценке предлагаемых ими сценариев развития и определяют их как предварительные [Там же, с. 60 – 61].

Сценарии

Предлагаемые авторами сценарии могут быть представлены следующим образом (см. таблицу).

Сценарий 1. Для Европы переход от среднего к верхнему палеолиту описан как трехэтапный про-

цесс. Регионально варьирующая позднесреднепалеолитическая культурная традиция неандертальцев противопоставлена ориньякской, носителями которой были анатомически современные люди, генетически не связанные с неандертальцами и обладавшие развитой технологией расщепления горных пород. Аккультурация этих двух популяций способствовала “раскрытию возможностей, уже имевшихся в мустье”, результатом такого взаимодействия «явился “средний верхний палеолит”» [Там же, с. 52]. Данный процесс определяется авторами статьи как весьма своеобразный и, возможно, уникальный.

Сценарий 2. В большей части рассмотренных районов Северной Азии авторы отмечают присутствие прогрессивных индустрий позднего среднего палеолита. Все они характеризовались наличием “пластинчатых элементов”, хотя и имели некоторые региональные различия (например, наличие галечных орудий). При одном исключении (см. сценарий 5) “каждая традиция сохраняла характерные черты основы” [Там же, с. 60].

Сценарий 3. Среднепалеолитические индустрии сменились верхнепалеолитическими, и этот процесс определен как необратимое преобладание стандартизированных пластинчатых заготовок. Грубо говоря, собственно верхнепалеолитические комплексы появляются примерно 40 тыс. л.н.

Сценарий 4. Переходные процессы в Северной Евразии протекали вне четкой связи с трансформацией соответствующих анатомических форм. Напротив, изменения в культуре и физическом облике человека происходили независимо друг от друга [Там же].

*Комментарий к статье М. Отта и Я.К. Козловского “Переход от среднего к верхнему палеолиту в Северной Евразии” [2001].

Сценарий 5. Ориньякские индустрии известны в Афганистане (Кара-Камар), где они датируются 35 – 29 тыс. л.н., а также на Алтае (стоянка Усть-Каракол-1) [Там же, с. 55]. В отличие от других индустрий, представляющих переход от среднего к верхнему палеолиту в Северной Евразии, эти комплексы не демонстрируют локальных среднепалеолитических особенностей и потому не имеют местных предшественников.

Гипотезы

Авторы обсуждаемой статьи выдвигают следующие гипотезы.

Гипотеза первая. Появление ориньякских индустрий в Афганистане и на Алтае объясняется миграцией людей из сопредельных районов.

Гипотеза вторая. В отличие от всех других верхнепалеолитических индустрий Северной Азии, производители которых не могут быть определены антропологически, ориньякская соотносится с человеком современного типа, т.е. *Homo sapiens sapiens* [Там же, с. 52].

Гипотеза третья. Из этого следует, что появление ориньякских индустрий в Афганистане и на Алтае свидетельствует не только о присутствии в данных регионах *Homo sapiens sapiens* примерно 35 тыс. л.н., но и о миграции популяций человека современного типа [Там же, с. 55].

Гипотеза четвертая. Ориньякские традиции распространялись вместе с *Homo sapiens sapiens* из Центральной Азии в Европу и Левант [Там же, с. 60].

Прежде чем приступить к обсуждению этих гипотез, я хотел бы обратиться к предложенным авторами общим дефинициям и положениям, касающимся данных сценариев, и попытаться сформулировать ряд условий, которым должны соответствовать гипотезы, если они верны.

Дефиниции

Во введении авторы дают два определения, являющиеся ключевыми при классификации индустрий и, следовательно, при описании сценариев: “Сегодня средний палеолит в Европе выявляют по технологическим признакам: орудия изготовлены из заготовок, форма которых задана в ходе предварительной подготовки ядрищ. <...> Верхний палеолит определяют по признакам использования стандартных пластинчатых заготовок” [Там же, с. 51]. Таким образом, определенное различие между средним и верхним палеолитом рассматривается с точки зрения технологии и ограничивается производством каменных орудий. Дефиниции обычно не нуждаются в доказательствах. Они должны быть четкими и достаточно

обоснованными. Те дефиниции, которые приведены в статье, кажутся проблематичными. Во-первых, определенность отсутствует, когда авторы допускают применение пластинчатых заготовок в технологии мустье, что sporadически фиксируется в разные периоды и в разных регионах [Там же]. Далее авторы добавляют: пластинчатая технология стала доминирующей и была введена как не подлежащая изменению формула [Там же].

Хотя и неясно, какие именно изменения имеются в виду – количественные или качественные, верхний палеолит Европы дает примеры, противоречащие этой части дефиниций. Причем такие свидетельства поступают из региона, для которого, по мнению авторов, данные определения должны подходить лучше всего. Для шательперрона [Pelegrin, 1995], датируемого в пределах 40 – 32 тыс. л.н., предполагается по меньшей мере три концепции производства заготовок: леваллуазская, дисковидная, а также особая техника изготовления пластинчатых отщепов, трансформируемых в шательперронские острья. Коллекции Бадегулиана (Badegoulian) начального мадлена (ок. 18 тыс. л.н.) демонстрируют не менее четырех отличных друг от друга операционных схем [Fourloubey, 1998]. Только одна из них, применявшаяся от случая к случаю, вела к получению пластин. Остальные три схемы строились на технике применения прямого удара жестким отбойником и получения коротких отщепов для дальнейшего изготовления скреблышек или же серии отщепов, пластинчатых отщепов либо пластин. Относительно количественного преобладания пластин следует отметить, что в ориньяке Центральной Европы (рис. 1) приблизительно лишь половина комплексов демонстрирует доминирование пластин и пластинчатых отщепов [Uthmeier, in press]. Среди коллекций с преобладанием пластин встречаются комплексы (например, Ломмерзум (Lommersum)), которые не могут быть отнесены к ранней фазе ориньяка, а также материалы (например, Лангманнерсдорф (Langmannersdorf) и Брайтенбах (Breitenbach)), рассматриваемые как эпиграветтские [Street, Therberger, 2000]. Вследствие сказанного преобладание пластин в ориньяке Центральной Европы не может считаться формулой, не подлежащей изменению, и не только из-за общей хронологической тенденции, но, вероятнее всего, из-за разных стратегий добывания сырья, а также разных видов деятельности, осуществлявшейся на стоянках.

Имеющиеся примеры подчеркивают проблематичность определения верхнего палеолита как периода, характеризующегося преобладанием пластинчатой технологии. С одной стороны, есть свидетельства существования индустрий с высоким процентным содержанием удлиненных отщепов и пластин в период, условно называемый средним палеолитом (см.: [Conard, 1992]). С другой стороны, имеются данные

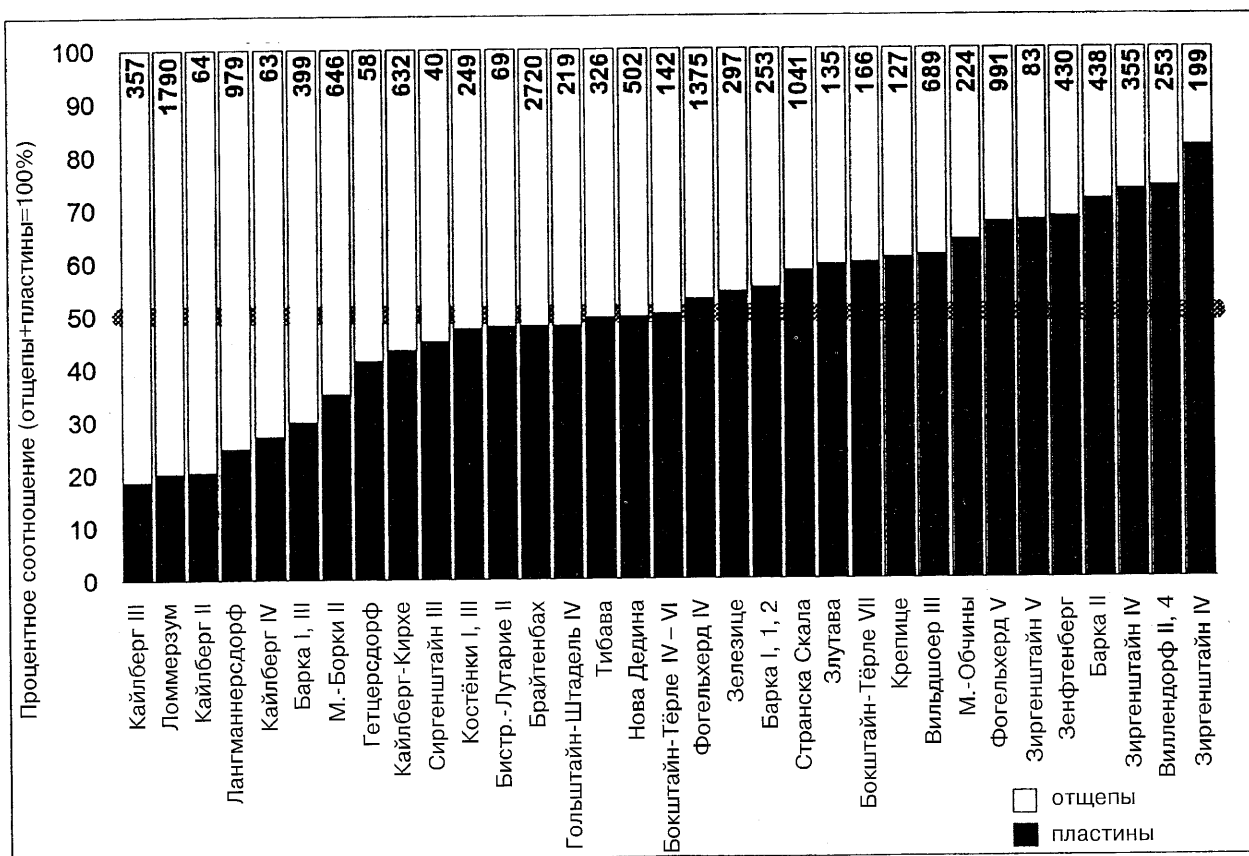

Рис. 1. Процентное соотношение отщепов и пластин в ориньякских комплексах Центральной и Восточной Европы (данные приведены по: [Hahn, 1977, tab. 2, 4; Uthmeier, 1994, tab. 78]).

по “верхнему палеолиту”, которые четко показывают разнородность концепций производства пластин. Это касается и тех периодов, когда отщепы преобладали над пластинами.

Некоторые из упомянутых проблем коренятся в недостаточности предложенных дефиниций. Даже если разграничение среднего и верхнего палеолита лимитировано технологическими особенностями производства каменных орудий (т.е. в данном случае преобладание пластинчатой технологии), очень важно выяснить, какими были концепции изготовления заготовок, приведшие к данному числу пластин. Находилось ли производство пластинчатых заготовок и/или пластин в русле среднепалеолитической концепции, при которой сначала определенным образом подготавливалась поверхность нуклеуса, а затем производились снятия, или же оно определялось применением верхнепалеолитической операционной схемы, когда нуклеус модифицировался в процессе эксплуатации, т.е. снятия основных продуктов – пластин [Boëda, 1990]? Хотя подобные технологические приемы зачастую трудноопределимы, метод chaîne opératoire (операционной цепочки) [Geneste et al., 1990] позволяет нам искать ответ на этот важный

вопрос. Не имея информации о характере chaîne opératoire невозможно надежно классифицировать индустриальный комплекс как технологически “среднепалеолитический”, “переходный” или же “верхнепалеолитический”.

Кроме того, можно назвать по меньшей мере проблематичным использование дефиниции, основанной только на одной переменной (в данном случае количество пластин). Хотя, по мнению М. Отта и Я.К. Козловского, такие компоненты материальной культуры, как “предметы искусства, украшения, костяные орудия”, не кажутся применимыми к данной дискуссии за пределами Европы [2001, с. 51], и в их статье можно найти противоположное мнение*. Есть и другие компоненты, существенно важные для дискуссии о переходе от среднего к верхнему палеолиту. Имеются в виду компоненты, связанные с образом жизни древних людей: система поселений, способы

* “Разнообразные примеры, приведенные в этой статье, демонстрируют схожие тенденции к уменьшению размеров каменных заготовок и к введению в обиход костяных орудий” [Отт, Козловский, 2001, с. 59] (об этом же с точки зрения Леванта см.: [Marks, 1994]).

добычи сырья, его удаленность от стоянок; виды деятельности, практиковавшиеся на разных стоянках, и обусловленная этим длительность их заселения; объекты охоты и размеры территории, ежегодно посещавшейся в поисках средств к существованию. По моему мнению, трансформация способов производства заготовок была тесно связана с изменением системы поселений и экологического поведения человека, что привело к формированию иных потребностей в секторе технологии (см., например: [Marks, 1988]), а также к иным демографическим ситуациям (ср. с демографическими данным [Zimmermann, 1996]). В то же время становится очевидным, что дефиниции, предложенные М. Оттом и Я.К. Козловским, имеют слишком общий характер для того, чтобы осветить “внутренние процессы развития среднего палеолита, а также процессы, приведшие к возникновению новых форм поведения” [2001, с. 52].

Достаточные и четкие дефиниции для среднего и верхнего палеолита могут быть выработаны только в случае их модификации или ограничения в пространстве и времени [Uthmeier, 1998]. Последовательное применение подобных многовариантных определений (о первых попытках такого рода см.: [Mellars, 1973; White, 1982]) может привести в будущем к модификации условных хронологических схем. В Европе, например, верхнепалеолитический образ жизни получил распространение не ранее граветта. Эту точку зрения разделяют и авторы обсуждаемой статьи [Отт, Козловский, 2001, с. 52] (см. также: [Uthmeier, 1998, 2000]). То, что ныне называется ранним верхним палеолитом включает (среди прочего) шатльперрон, стрелецкую культуру и ориньяк [Bosinski, 1990], следовало бы именовать переходным этапом, как это было предложено А.П. Деревянко и др. [2001] для комплексов Алтая.

Предположения

М. Отт и Я.К. Козловский высказывают предположение, которое основано на европейских данных и также является существенным для предлагаемых ими гипотез: “...ориньякская культура была принесена в Европу анатомически более развитыми людьми. <...> Видимо, человек современного антропологического типа сформировался за пределами Европы” [2001, с. 52]. Корреляция культуры (вернее, каменных индустрий) и антропологических данных всегда была сложной задачей, по крайней мере, после того как на Ближнем Востоке в мустьерских слоях были найдены костные остатки древних людей современного антропологического типа и неандертальцев. Сами авторы отмечают, что в Северной Евразии изменения в культуре и физическом облике, видимо, протекали независимо друг от друга [Там же, с. 60]. Данные, на-

копленные к настоящему моменту в Европе (рис. 2), подтверждают это предположение. Верно оно и для раннего ориньяка. Самые древние достоверные антропологические остатки европейского *Homo sapiens sapiens* представлены ориньякским черепом, обнаруженным на местонахождении Вогельхерд (Vogelherd) (образец “Штеттен I”) и датированным радиоуглеродным методом 30 тыс. л.н. [Czarnetzki, 1983]. Другие индустрии европейского раннего верхнего палеолита, например, шатльперронские (обзор см.: [Pelegri, 1995]), улущо [Gioia, 1990] или селетские [Allsworth-Jones, 1986], были зафиксированы в сочетании с антропологическими остатками, которые либо достоверно классифицируются как принадлежащие неандертальцам (например, в Сен-Сезар [Leveque, Vandermeersch, 1980]), либо в ряде случаев (например, в Арси сюр Кюр [Leroi-Gourhan, 1959] или Комб Капелль [Asmus, 1964]) приписываются *Homo sapiens sapiens*. Новые абсолютные даты, частично полученные непосредственно по образцам ископаемых костей, показали, что неандертальцы жили в Европе примерно до 30 тыс. л.н. [Barton et al., 1999; Hublin et al., 1995; Smith et al., 1999]. Антропологические данные Европы отчетливо свидетельствуют о присутствии неандертальцев на начальной стадии переходного периода от среднего к верхнему палеолиту 40 тыс. л.н., но не способны подтвердить присутствие *Homo sapiens sapiens* (рис. 2). Кроме того, в переходный процесс в Европе были вовлечены не только прогрессивные индустрии определенно среднепалеолитического облика (такие как шатльперрон или селет), но и ориньякские. Хотя некоторые из самых ранних дат ориньякских индустрий (например, Бачо Киро или Исталлошко) до сих пор остаются дискуссионными, достоверные данные, полученные из мощных стратиграфических разрезов в Испании [Bischoff et al., 1989], на Дунае [Hahn, 1993, 1995; Street, Therberger, 2000], а также в районе, расположенном южнее Альп [Bartolomei et al., 1993], подтверждают гипотезу о появлении ориньякских комплексов в Европе задолго до того момента, с которым связывается **надежно** документированное присутствие *Homo sapiens sapiens*. В свете накопленных к настоящему моменту знаний вопрос, были ли древнейшие европейские ориньякские орудия произведены людьми современного типа, остается открытым. В то же время это не противоречит гипотезе о том, что происхождение анатомически современных людей следует искать вне Европы, но мы должны думать о переходе к верхнему палеолиту вне зависимости от антропологического типа населения [Отт, Козловский, 2001, с. 60].

Переосмысление сценариев

В сценариях, о которых шла речь выше, граница между средним и верхним палеолитом (или переходная

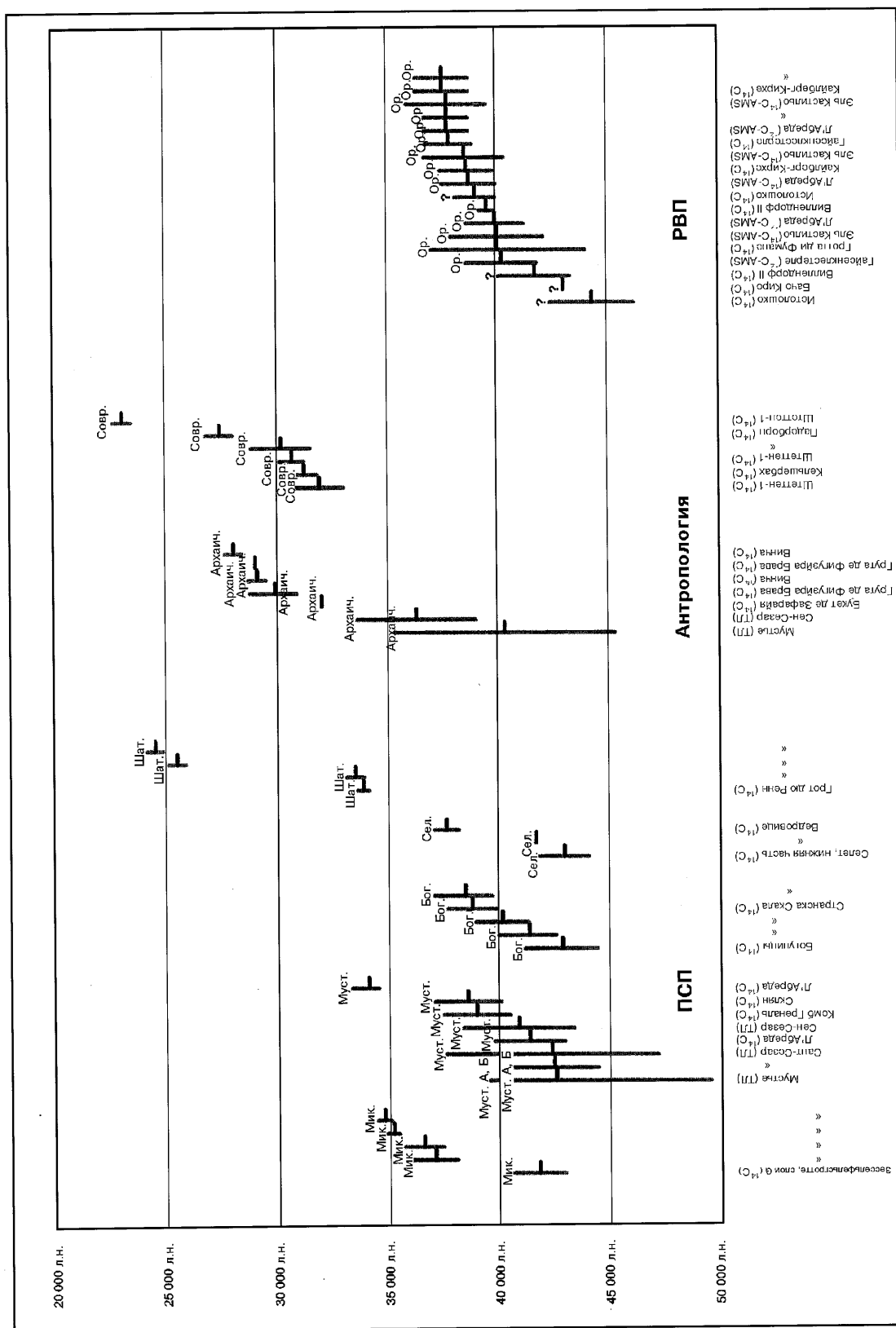

Рис. 2. Выборочные данные по позднему среднему палеолиту (ПСР, слева) и началу раннего верхнего палеолита (РВП, справа) в сравнении с абсолютными датами, полученными для самых поздних неандертальцев (архаич.) и самых ранних (надежно установленных) *Homo sapiens sapiens* (совр.) Европы (по: [Allsworth-Jones, 1986; Bischoff et al., 1989; Hahn, 1977, 1995; Mellars, 2000; Paros, 2000; Richter, 1996, 1997]).

Мик – микок; муст. – мустье; Муст. А, Б – мустье ашельской традиций А и Б; Бор. – богунье; шат. – Шателлерон; Сел. – селет; Ор. – ориньяк.

фаза) в некоторых случаях является подвижной. Это может быть частично объяснено реализацией предистории, когда леваллуазская концепция долгое время сохранялась в Средней Азии (Кульбулак) и на Алтае [Там же, с. 54], в Монголии (Чихэн Агуй) [Деревянко и др., 2001] или Восточной Сибири [Escutenaire-Sitlivy, Sitlivy, 1996]. По результатам проведенного абсолютного датирования эти комплексы относятся к периоду между 35 и 21 тыс. л.н., к тому времени, когда в других районах верхнепалеолитические индустрии уже сформировались. С другой стороны, именно одновариантная дефиниция, основанная на наличии “высокой встречаемости пластин”, привела к выделению “верхнего палеолита”, хотя в статье М. Отта и Я.К. Козловского операционные цепочки в большинстве случаев представляют среднепалеолитические концепции (заготовки и нуклеусы среднепалеолитические, преимущественно леваллуазские) [Отт, Козловский, 2001, рис. 3, 8, 9; 5, 6, 11 – 13; 7, 10; 9, 12]. По мнению К. Эскютенэр-Ситливой и В. Ситливого, комплексы Макарова IV, Толбаги и стоянки Арембовского основаны на различных рекуррентных методах леваллуазской концепции, а также на *methode Rocourt* с нуклеусами, попадающими в категорию объемных, и *éclat débordants*; технология, типичная для верхнего палеолита, отсутствует [Escutenaire-Sitlivy, Sitlivy, 1996].

Если бы была применена более развернутая дефиниция среднего и верхнего палеолита, включающая понятие *chaîne opératoire* (операционная цепочка), которое объясняет присутствие пластин и, как следствие, высокую встречаемость верхнепалеолитических типов орудий, то большинство упомянутых в статье верхнепалеолитических комплексов Центральной Азии, Восточной Сибири и Монголии следовало бы классифицировать как среднепалеолитические.

Хотя наличие двух изолированных ориньякских (или “ориньякоидных”) [Отт, Козловский, 2001, с. 56, рис. 6]) индустрий на Алтае и в Афганистане имеет существенную значимость, неясно, какого типа это был ориньяк, и непонятно, какие критерии использовались для классификации комплексов Усть-Каракола и Кара-Камара. Что касается последнего, то публикация Куна [Coon, 1958, p. 228] не содержит иной информации о ретушированных орудиях, кроме двух рисунков – ретушированной пластины и концевой скребка высокой формы. По словам исследователя, производившего раскопки, большая часть артефактов была выброшена во время полевых работ. Даты, полученные в 1954 г., минимальная из которых >34 тыс. л.н., демонстрируют предел метода датирования того времени.

В Усть-Караколе представлены кариноидные орудия [Отт, Козловский, 2001, рис. 6, 2, 6 – 8], но техника получения заготовок демонстрирует элементы ле-

валлуазской концепции [Васильев, 2001]. Опять же наличие одной переменной (в данном случае орудий высокой формы) не является достаточным критерием для отнесения данного комплекса к ориньяку: “Эти орудия, связанные с массивной заготовкой, обнаруживаются во всем верхнем палеолите” [Demars, Laurent, 1992, p. 44].

Некоторые индикаторы верности центральноазиатской гипотезы

Для того чтобы признать справедливым предположение М. Отта и Я.К. Козловского о том, что истоки ориньякских традиций находятся в Центральной Азии, требуется соответствие гипотезы нескольким условиям.

1. Если ориньякские местонахождения на Алтае и в Афганистане появились в результате миграции населения, то в Центральной Азии должен быть пограничный район, в котором ориньякские комплексы того же типа будут более древними.

2. Если ориньяк является результатом автохтонного развития в данном регионе, то должны были существовать позднесреднепалеолитические индустрии, характеризующиеся комплексом специфических прогрессивных элементов, а не только высоким процентным содержанием пластин, так как изделия этого вида могли появляться спорадически в разные периоды и на разных территориях [Отт, Козловский, 2001, с. 51] или же бытовать в рамках продолжительной региональной традиции [Монигал, 2001]. В то же время первые ориньякские комплексы должны обладать специфическими региональными позднесреднепалеолитическими чертами.

3. Если ориньякские индустрии Центральной Азии были произведены человеком современного типа, то им должны сопутствовать антропологические остатки *Homo sapiens sapiens*.

4. Если имела место миграция *Homo sapiens sapiens* в Европу и Левант, засвидетельствованная наличием там ориньякских комплексов, то эти последние должны содержать элементы, указывающие на тесную связь с районом происхождения.

5. Если истоки ориньякских традиций находятся в Центральной Азии, а не в Европе или Леванте, то абсолютные даты для ориньякских комплексов должны быть более ранние, чем те, которые получены на данный момент.

Проверка центральноазиатской гипотезы

Насколько же предложенная гипотеза соответствует обозначенным условиям? Прежде всего, данные по тому региону, в котором ведутся поиски истоков ориньякских традиций, отсутствуют. В настоящий момент

нет сведений об ориньякских индустриях, зафиксированных в сопредельных районах Алтая или Афганистана. Следовательно, помимо общего наблюдения о том, что поздний средний палеолит Северной Евразии демонстрирует тенденцию к более эффективному использованию сырья посредством увеличения производства пластин, доказательств связи между первыми гипотетическими ориньякскими комплексами и породившей их среднепалеолитической традицией нет. “Ориньякоидная” индустрия Усть-Каракола, содержащая леваллуазские элементы, действительно демонстрирует среднепалеолитические особенности, но они не являются специфическими, к тому же, исходя из них, невозможно классифицировать данную индустрию как “ориньякскую” в европейском понимании этого термина [Hahn, 1977].

Как следует из обсуждаемой статьи, самые древние в Средней Азии костные остатки *Homo sapiens sapiens* были обнаружены в Самарканде. Они связываются с индустрией позднего верхнего палеолита, характеризующейся орудиями на гальках и пластинках, но без ориньякских элементов. Единственными палеоантропологическими материалами, относимыми к переходному периоду, являются остатки позднего неандертальца из грота Тешик-Таш [Отт, Козловский, 2001, с. 53]. Из этого следует, что наличие связи между ранними ориньякскими артефактами (или ранневерхнепалеолитическими чертами в целом) и человеком современного типа для Северной Евразии не доказано так же, как и для Европы.

Вопрос об интрузии ориньякских элементов в Левант до сих пор остается открытым. Одни авторы (см., например: [Stringer, Gamble, 1993]) придерживаются предположения о их распространении из Леванта для доказательства второй гипотезы о расселении *Homo sapiens sapiens* из Африки (“Out-of-Africa II”), в то время как другие исследователи отрицают наличие связи между ориньякскими комплексами Леванта и Европы [Uthmeier, 1998] или даже предполагают интрузию ориньякских индустрий в Левант [Bar-Yosef, Belfer-Cohen, 1996]. При сравнении определений ориньякской культуры, данных разными авторами, становится очевидным: то, что в настоящий момент называется “ориньяком”, могло включать несколько индустрий, характеризовавшихся наличием кариноидных артефактов как одного из характерных элементов. В европейском ориньяке кариноидные концевые скребки и массивные резцы, выемчатые пластины и бифасиально обработанные изделия (если они были) могли сочетаться с костяными наконечниками с массивным или расщепленным основанием; отщепы должны были доминировать над пластинами [Hahn, 1977]. Во многих коллекциях присутствуют подвески, изготовленные преимущественно из зубов или клыков. Однако в комплексах Леванта ориньякские

орудийные наборы состоят в основном из кариноидных скребков или скребков с носиком; ретушированные пластины и пластинки в них немногочисленны; коллекция костяных орудий типологически бедна; подвески встречаются редко [Bar-Yosef, Belfer-Cohen, 1996, p. 143]. Несмотря на это разнообразие проявлений ориньякской традиции, связь левантийских и европейских индустрий с комплексами Алтая и Афганистана не может считаться доказанной, так как материалы Северной Евразии остаются в основном неизвестными, за исключением местонахождений скребков высокой формы и пластин.

Тот факт, что по мере движения от одного из ранее предполагаемых центров формирования ориньякской индустрии – Леванта – к Европе не наблюдается, судя по имеющимся абсолютным датам, тенденции к уменьшению возраста ориньякских стоянок, уже использовался сторонниками классической гипотезы “Out-of-Africa II” для критики версии о механическом переносе ориньякской индустрии из Восточного Средиземноморья в другие регионы Евразии [Richter, 1996]. Сравнение дат, относящихся к переходному периоду от среднего к верхнему палеолиту в Северной Евразии и Европе (см. *таблицу*), дает такую же картину. Самые ранние даты, полученные для бардосских памятников, как и для наиболее древних слоев Кара-Бомы, содержащих объемные нуклеусы [Derevianko, Pétrine, 1997], существенно не отличаются от тех, что установлены в Европе (например, Эль Кастильо [Bischoff et al., 1989], Гайсенклёстерле [Hahn, 1995] или Гротта ди Фумане [Bartolomei et al., 1993]).

Тот факт, что в Северной Евразии “каждая традиция сохраняла характерные черты основы” [Отт, Козловский, 2001, с. 60] и значительно более поздние комплексы частично должны классифицироваться как “среднепалеолитические” или “переходные” до приблизительно 30 тыс. л.н. или еще более позднего времени, в общем допускает альтернативную интерпретацию: развитая верхнепалеолитическая индустрия появляется, видимо, поздно; районы Северной Евразии не были центром формирования европейской и/или левантийской верхнепалеолитической индустрии, но они (по крайней мере, частично) могли быть рефугиумами позднего среднего палеолита. Подобная интерпретация, основанная на наличии среднепалеолитических индустрий, которые отнесены приблизительно к 30 тыс. л.н., что подтверждается абсолютными датами и/или многослойными разрезами, хорошо демонстрируется материалами Иберийского [Tattersall, 1995] и Крымского полуостровов [The Middle Paleolithic, 1998]. В других регионах (например, на Алтае [Derevianko, Pétrine, 1997]) мог иметь место автохтонный переход от среднего к верхнему палеолиту, но без тенденции к развитию ориньякской традиции.

Центральноевропейский подход к проблеме ориньяка

Если ориньякская индустрия не развивалась в Центральной Азии и предположение об ее левантийском происхождении неверно, то можно ли осознанно предложить другой район? Некоторые из основных вариантов европейских сценариев, как мне представляется, были упомянуты выше. Антропологические данные, полученные к настоящему моменту, не подтверждают миграцию *Homo sapiens sapiens* в Европу ранее 32 тыс. л.н. Отсутствуют и археологические свидетельства интрузии ориньякских элементов в Европу. Более того, до сих пор остаются открытыми вопросы: вышел ли *Homo sapiens sapiens* из Африки (“Out-of-Africa II”) [Stringer, Gamble, 1993; Krings et al., 1997], развивался ли он “мультирегионально” [Wolpoff, 1989] или же был ассимилирован местными среднепалеолитическими неандертальцами [Duarte et al., 1999]. До тех пор пока европейские палеоантропологические данные считаются недостаточными, можно обсуждать только культурные сценарии, оставляя в стороне антропологическую аргументацию.

С точки зрения динамики культуры, в среднем палеолите Центральной Европы действительно были хорошие эволюционные возможности. Но технологическая вариабельность не была унаследована только ориньяком. Значительно раньше, в первой половине вейхзельского интерпленигляциала, наблюдается тенденция не только к увеличению количества пластин, снятых с леваллуазских нуклеусов, но и к использованию всего разнообразия бифасиальных орудий, включая ножи с обушком (“Keilmesser”), ручные рубила [Richter, 1997] или листовидные острия [Uthmeier, 2000]. Эти часто переоформляемые орудия имели длинные “биографии”; их часто переносили с места на место.

Впервые стандартизация индустрии наблюдается в мустьерскую эпоху (мустье ашельской традиции, “мустье с мелкими бифасами” и микок), что также фиксируется во французском мустье [Geneste, 1988]. Производство заготовок демонстрирует большое разнообразие: кина, леваллуа и дисковидная концепции [Boëda, 1995; Richter, 1997]. В некоторых случаях присутствуют также объемные нуклеусы для пластин и/или нуклеусы с неподготовленным фронтом скалывания [Uthmeier, 1998, 2000]; последние использовались для снятия удлиненных и укороченных заготовок. В то время как некоторые среднепалеолитические коллекции содержат микролиты (возможно, с выделенным черешком) [Richter, 1997], в состав других входят костяные наконечники [Gaudzinsky, 1998; Wagner, 1983] или иные изделия из кости и рога [Gaudzinsky, 1998]. Анализ способов добычи сырья

[Richter, 1997] показал, что в конце среднего палеолита система поселений включала лагеря как длительного обитания, так и краткого пребывания (см. также: [Chase, 1989; Müller-Beck, 1988]). В периоды долговременного заселения стоянок бифасиальные орудия производились на месте [Richter, 1997]; сырье разных видов использовалось для изготовления удлиненных отщепов и пластин, а доля верхнепалеолитических орудий была значительно выше, чем остальных [Uthmeier, 1998, 2000]. Из этого следует, что присутствие многочисленных верхнепалеолитических компонентов на европейских долговременных стоянках позднего среднего палеолита [Uthmeier, 2000], скорее всего, может быть объяснено причинами экономического характера [Kuhn, 1995].

В сравнении с поздним средним палеолитом ранний ориньяк демонстрирует мало отличий либо вообще их отсутствие в плане стратегии добычи сырья [Floss, 1994] или организации стоянок. Кроме того, в нем фиксируются среднепалеолитические традиции. Ориньякская стратегия получения пластин демонстрирует некоторые среднепалеолитические признаки [Uthmeier, in press], тогда как производство бифасов до сих пор остается проблематичным [Trnka, 1990]. Наиболее существенным является то, что хотя заготовки и снимали с объемных нуклеусов, при этом получали серии массивных и обычных отщепов и пластинчатых отщепов, а также пластин и пластинок.

В целом, переход от среднего к верхнему палеолиту в Европе может быть описан как постепенное автохтонное развитие, при котором с ходом времени все больше и больше утверждалась система поселений, включавшая базовые лагеря, где изготавливались наборы орудий для специфических видов деятельности, сезонные и/или специализированные стоянки охотников [Gaudzinsky, 1998], возрастало количество изделий из кости или рога, а также развивалась стратегия получения пластин путем снятия их с объемных нуклеусов. Катализатором этого процесса могло стать понижение температур, происходившее во время, соответствующее кислородно-изотопной стадии 3, — между 59 и 24 тыс. л.н., как это демонстрирует кривая SPECMAP (рис. 3) [Davies et al., 2000].

Некоторые определенно верхнепалеолитические черты (например, транспортировка сырья на большие расстояния [Féblot-Augustins, 1993; Floss, 1994], широкое распространение изделий неутилитарного назначения [Taborin, 1990]) можно интерпретировать как показатели роста культурного обмена (см.: [Gamble, 1999]). Это могло быть результатом расширения ареалов миграции [Hahn, 1987], в том числе и вследствие роста плотности населения [Zimmermann, 1996] в тех или иных географических районах, а также постепенного ухудшения климата во время холодных фаз кислородно-изотопной стадии 3 (см.: [Weniger, Orschied,

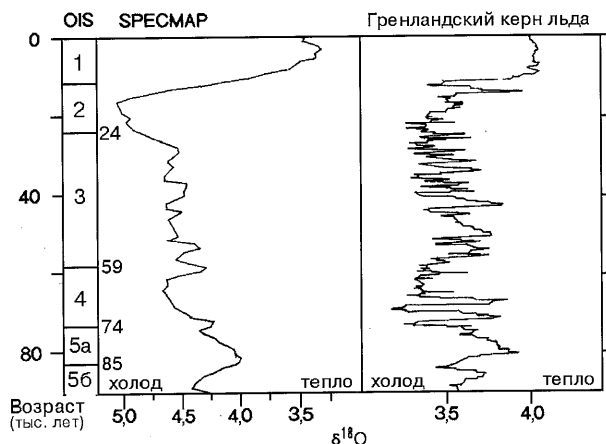

Рис. 3. Кривая SPECMAP (слева), построенная по изотопам кислорода ^{18}O и показывающая постепенное возрастание объема мирового континентального льда и соответствующее сокращение зоны умеренных климатических условий в период кислородно-изотопной стадии 3 во время Дансгаард/Ошгер событий, зафиксированных в Гренландском керне льда (справа). Кривая показывает, что этот процесс сопровождался резкими сменами потеплений и похолоданий (диаграмма и пояснения по: [Davies et al., 2000, fig. 1.1]).

2000)). Подобное развитие, обусловленное понижением температур, могло распространяться на более обширный регион долины Дуная, района с континентальным климатом между скандинавским и альпийским ледяными щитами. По мере усиления соперничества между группами людей, обуславливавшего более открытое социальное противостояние, могла возрастать востребованность таких предметов, как подвески, изготовленные из раковин, зубов, кости или рога, которые, возможно, служили показателями принадлежности к определенным группам или объединениям. Подобные среднепалеолитические изделия пока представлены лишь единичными образцами (например, на памятниках типа грота Пролом I [Stepanchuk, 1993] или Тата [Vértes, 1964]).

Примерно 32 тыс. л.н., а возможно, и позднее, ориньякцы создали сложную систему невербальной коммуникации посредством наскального искусства (обзор см.: [Bahn, Vertut, 1988; Bosinski, 1990]; о гроте Шове во Франции см.: [Chauvet et al., 1995]; возможно, также на Ближнем Востоке в пещере Хайоним [Bar-Yosef, Belfer-Cohen, 1996]) или же скульптурных изображений (таких, как в коллекциях памятников Фогельхерд, Гайсенклёстерле и Хохленштайн-Штадель в Швабских Альпах, Германия [Hahn, 1986]). В отличие от подвесок и раковин, которые можно считать личными украшениями, наскальные изображения и скульптуры, видимо, содержали некую социально значимую информацию, использовавшуюся при внутри- и межгрупповом общении. Они являются показателями возникновения новых норм социально-

го поведения. В сравнении с предполагаемым обществом неандертальцев [Pettitt, 2000] эти изменения могут знаменовать появление в Европе нового, социально более развитого населения.

Список литературы

- Васильев С.А.** Некоторые результаты изучения палеолита Алтая и их значение для археологии каменного века // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 2. – С. 66 – 77.
- Деревянко А.П., Гладышев С.А., Олсен Д., Петрин В.Т., Цэрэндагва Я.** Характеристика каменной индустрии пещеры Чихэн // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 1. – С. 25 – 39.
- Монигал К.** Пластинчатые индустрии нижнего, среднего и начала верхнего палеолита в Леванте // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 1. – С. 11 – 24.
- Отт М., Козловский Я.К.** Переход от среднего к верхнему палеолиту в Северной Евразии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 3. – С. 51 – 62.
- Allsworth-Jones P.** The Szeletien and the Transition from Middle to Upper Paleolithic in Central Europe. – Oxford: Clarendon Press, 1986. – 412 p.
- Asmus G.** Kritische Bemerkungen und neue Gesichtspunkte zur jungpaläolithischen Bestattung von Combe Capelle, Périgord // Eiszeitalter und Gegenwart. – 1964. – N 15. – S. 181 – 185.
- Bahn P., Vertut J.** Images of the Ice Age. – Mailand: Bellevue Publishing Company Limited, 1988. – 237 p.
- Bartolomei G., Broglio A., Cassoli P.F., Castaletti L., Cattani L., Cremaschi M., Giacobini G., Malebra G., Maspero A., Peresani M., Sartorelli A., Tagliacozzo A.** La Grotte Fumane. Une site aurignacienne au pied des Alpes // Prehistoria Alpina. – 1993. – Vol. 28. – P. 131 – 179.
- Barton N.E., Currant A.P., Fernandez-Jalvo Y., Finlayson J.C., Goldberg P., Macphail R., Pettitt P., Stringer C.B.** Gibraltar Neanderthals and the results of recent excavations in Gorham's, Vanguard and Ibex Caves // Antiquity. – 1999. – Vol. 73, N 279. – P. 13 – 23.
- Bar-Yosef O., Belfer-Cohen A.** Another look at the Levantine Aurignacian // The Colloquia of the XIII International Congress of the Prehistoric and Protohistoric Sciences. Forlì (Italia), 8 – 14 September 1993 / Eds. A. Montet-White, A. Palma di Cesnola, K. Valoch. – Forlì, 1996. – Vol. 6: The Upper Paleolithic. – P. 139 – 154.
- Bischoff J.L., Maroto N., Julia R.** Abrupt Mousterian/Aurignacian Boundary at ca. 40 BP. Accelerator ^{14}C -Dates from L'Abreda-Cave (Catalunya Spain) // Journal of Archaeological Science. – 1989. – Vol. 16. – P. 563 – 576.
- Boëda É.** De la surface au volume: analyse des conceptions débitages Levallois et laminaire // Paléolithique moyen récent et Paléolithique supérieur ancien en Europe. Ruptures et transitions: examen critique des documents archéologiques. Colloque Nemours 1988 / Ed. C. Farizy. – Nemours: A.P.R.A.I.F., 1990. – P. 63 – 68. – (Mémoires du Musée de Préhistoire d'Ole de France; N 3).
- Boëda É.** Steinartefakt-Produktionssequenzen im Micoquien der Kulna-Höhle // Quartär. – 1995. – N 45/46. – S. 75 – 98.

- Bosinski G.** Homo sapiens: L'histoire des chasseurs du Paléolithique supérieur en Europe (40 000 – 10 000 avant J.-C.). – P.: Errance, 1990. – 281 p.
- Chase P.** How Different was Middle Paleolithic Subsistence? A Zooarcheological Perspective on the Middle to Upper Paleolithic Transition // *The Human Revolution: Behavioural and Biological Perspectives on the Origin of Modern Humans* / Eds. P. Mellars, C. Stringer. – Edinburgh: The Redwood Press, 1989. – P. 321 – 337.
- Chauvet J.-M., Brunel Deschamps È., Hillaire C.** Grotte Chauvet. – Sigmaringen: Jan Thorbecke Verlag, 1995. – 118 p.
- Czarnetzki A.** Belege zur Entwicklungsgeschichte des Menschen in Südwestdeutschland // *Urgeschichte in Baden-Württemberg* / Hrsg. H. Müller-Beck. – Stuttgart: Konrad Theiss Verlag, 1983. – S. 217 – 272.
- Conard N.J.** Tönchesberg and its Position in the Paleolithic Prehistory of Northern Europe. – Bonn: Dr. Rudolf Habelt GmbH, 1992. – 176 p. – (Monographien des Römisch-Germanischen Zentralmuseums; Bd. 20).
- Coon C.S.** Die sieben Höhlen. – Wiesbaden: Rudolf Bechthold-Verlag, 1958. – 303 p.
- Davies W., Stewart J., van Andel T.** Neanderthal Landscapes – A Preview // *Neanderthals on the Edge: Papers from a Conference Marking the 15th Anniversary of the Forbes' Quarry Discovery, Gibraltar* / Eds. C.B. Stringer, R.N.E. Barton, J.C. Finlayson. – Exeter: Oxbow Books, 2000. – P. 1 – 8.
- Demars P.Y., Laurent P.** Types d'outils lithiques du paléolithique supérieur en Europe. *Cahiers du quaternaire* 7. – P.: CNRS-press, 1992. – 178 p.
- Derevianko A., Pétrine V.** Variante de la transition du Moustérien au Paléolithique tardif à Altai. – Novosibirsk: Publication of the Russian Academy of Sciences, Sibirian Branch, Institute of Archeology and Ethnology, 1997.
- Duarte C., Maurício J., Pettitt P.B., Souto P., Trinkaus E., van der Plicht H., Zilhão J.** The early Upper Paleolithic human skeleton from the Abrigo do Lagar Velho (Portugal) and modern human emergence in Iberia // *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. – 1999. – Vol. 96. – P. 7604 – 7609.
- Escutenaire-Sitlivy C., Sitlivy V.** Variabilité des technologies laminaires avant le Paléolithique supérieur classique dans la région du lac Baïkal (Sibérie, Russie): Etude complétée du matériel. Analyses comparatives avec l'Europe occidentale // *Préhistoire Européenne*. – 1996. – Vol. 8. – P. 49 – 96.
- Féblot-Augustins J.** Mobility Strategies in the Late Middle Palaeolithic of Central Europe // *Journal of Anthropological Archaeology*. – 1993. – Vol. 12. – P. 211 – 265.
- Floss H.** Rohmaterialversorgung im Paläolithikum des Mittelrheingebietes. – Bonn: Dr. Rudolf Habelt GmbH, 1994. – 407 p. – (Monographien des Römisch-Germanischen Zentralmuseums; Bd. 21).
- Fourloubey C.** Badegoulien et premiers temps du Magdalénien. Essay de Clarification à l'aide d'un exemple, la vallée de L'Isle en Périgord // *Paleo*. – 1998. – N 10. – P. 185 – 210.
- Gamble C.** The Palaeolithic Societies of Europe. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – 505 p.
- Gaudzinski S.** Knochen und Knochengeräte der mittelpaläolithischen Fundstelle Salzgitter-Lebenstedt (Deutschland) // *Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz*. – 1998. – Bd. 45, N 1. – S. 163 – 220.
- Geneste J.-M.** Systèmes d'approvisionnement en matières premières au Paléolithique moyen et au Paléolithique supérieur en Aquitaine // *Actes du Colloque International de Liège, 1986, 4 – 7 Dezember: L'homme de Neanderthal* / Ed. M. Otte. – Liège: Université de Liège, 1988. – Vol. 8. – P. 61 – 70. – (ERAUL; N 33).
- Geneste J.-M., Boëda É., Meignen L.** Identification des chaînes opératoires lithiques du Paléolithique ancien et moyen // *Paléo*. – 1990. – N 2. – P. 43 – 80.
- Gioia A.P.** La transition Paléolithique moyen / Paléolithique supérieur en Italie et la question d'Uluzzien // *Paléolithique moyen récent et Paléolithique supérieur ancien en Europe. Ruptures et transitions: examen critique des documents archéologiques. Colloque Nemours 1988* / Ed. C. Farizy. – Nemours: A.P.R.A.I.F., 1990. – P. 241 – 250. – (Mémoires du Musée de Préhistoire d'Île de France; N 3).
- Hahn J.** Aurignacien, das ältere Jungpaläolithikum in Mittel- und Osteuropa // *Fundamenta A/9*. – Köln; Wien: Böhlau-Verlag, 1977. – 355 p.
- Hahn J.** Kraft und Aggression. Die Botschaft der Eiszeitkunst in Süddeutschland? – Tübingen: Institut für Urgeschichte der Universität Tübingen, 1986. – 254 S. – (Archaeologica Venatoria; N 7).
- Hahn J.** Aurignacian and Gravettian Settlement Patterns in Central Europe // *The Pleistocene Old World: Regional Perspectives* / Ed. O. Soffer. – N.Y.: Plenum Press, 1987. – P. 251 – 262.
- Hahn J.** L'origine du Paléolithique supérieur en Europe Centrale: les datations C14 // *El origen del hombre moderno en el sureste de Europa* / Ed. V. Cabrera-Valdes. – Madrid: Universidad de Educación a Distancia, 1993. – P. 61 – 80.
- Hahn J.** Neue Beschleuniger-14C-Daten zum Jungpaläolithikum in Südwestdeutschland // *Eiszeitalter und Gegenwart*. – 1995. – N 45. – S. 86 – 92.
- Hublin J.J., Barroso Ruiz C., Medinela P., Fontugne M., Reyss J.L.** The Mousterian Site of Zafarraya (Andalusian, Spain) – Dating and Implications on the Palaeolithic Peopling Process of Western Europe // *Comptes rendues de l'Académie Nationale des Sciences*. – 1995. – Vol. 36. – P. 937 – 973.
- Krings M., Stone A., Schmitz R.W., Krainitzki H., Stoneking M., Pääbo S.** Neandertal DNA sequences and the origin of modern humans // *Cell*. – 1997. – Vol. 90. – P. 19 – 30.
- Kuhn S.L.** Mousterian Lithic Technology: An Ecological Perspective. – Princeton: Princeton University Press, 1995.
- Leroi-Gourhan A.** Étude des restes humains fossiles provenant des grottes d'Arcy-sur-Cure // *Annales de Paléontologie*. – 1959. – Vol. 44. – P. 87 – 148.
- Leveque F., Vandermeersch B.** Découverte de restes humains dans un niveau Castelperronien à Saint-Césaire (Charente Maritime) // *Comptes Rendues de l'Académie Nationale des Sciences. Serie D*. – 1980. – Vol. 291. – P. 187 – 189.
- Marks A.E.** The Middle to Upper Palaeolithic Transition in the Southern Levant: Technological Change as an Adaption to Increasing Mobility // *Actes du Colloque International de Liège, 1986, 4 – 7 Dezember: L'homme de Neanderthal* / Ed. M. Otte. – Liège: Université de Liège, 1988. – Vol. 8. – P. 109 – 124. – (ERAUL; N 33).
- Marks A.E.** A Levantine Perspective. "Review-Feature" zu C. Stringer u. C. Gamble 1992: In Search of the Neanderthals // *Cambridge Archeological Journal*. – 1994. – Vol. 4. – P. 104 – 106.

Mellars P. The Character of the Middle-Upper-Palaeolithic Transition in South-West France // The Explanation of Cultural Change: Models in Prehistory / Ed. C. Renfrew. – L.: University of Pittsburg Press, 1973. – P. 255 – 276.

Mellars P. Châtelperronian Chronology and the Case for Neanderthal/Modern Human "Acculturation" in Western Europe // Neanderthals on the Edge: Papers from a Conference Marking the 15th Anniversary of the Forbes' Quarry Discovery, Gibraltar / Eds. C.B. Stringer, R.N.E. Barton, J.C. Finlayson. – Exeter: Oxbow Books, 2000. – P. 33 – 40.

Müller-Beck H. The Ecosystem of the "Middle Palaeolithic" (Late Lower Palaeolithic) in the Upper Danube Region: a Stepping Stone to the Upper Palaeolithic // Upper Pleistocene Prehistory of Western Eurasia / Eds. H. Dibble, A. Montet-White. – Pennsylvania: Philadelphia University Press, 1988. – P. 233 – 254. – (University Museum Monographs; Vol. 54).

Paposo L. The Middle-Upper Paleolithic Transition in Portugal // Neanderthals on the Edge: Papers from a Conference Marking the 15th Anniversary of the Forbes' Quarry Discovery, Gibraltar / Eds. C.B. Stringer, R.N.E. Barton, J.C. Finlayson. – Exeter: Oxbow Books, 2000. – P. 95 – 110.

Pelegrin J. Technologie lithique: Le Châtelperronien de Roc-de-Combe (Lot) et de La Côte (Dordogne). – P.: Edition du CNRS, 1995. – (Cahiers de Quaternaire; N 20).

Pettitt P. Neanderthal lifecycles: Developmental and Social Phases in the Lives of the Last Archaics // World Archeology. – 2000. – Vol. 31, N 3. – P. 351 – 366.

Richter J. "Out of Africa II" – Die Theorie über die Einwanderung des modernen Menschen nach Europa auf dem archäologischen Prüfstand // Archäologische Informationen. – 1996. – Bd. 19, N 1/2. – S. 67 – 73.

Richter J. Sesselfelsgrötte III: Der G-Schichten-Komplex der Sesselfelsgrötte – Zum Verständnis des Micoquien. – Saarbrücken: Saarbrücken Druck und Verlag, 1997. – (Quartär-Bibliothek; Bd. 7).

Smith F.H., Trinkaus E., Pettitt P.B., Karavanic I., Paunovic M. Direct radiocarbon dates for Vindija G1 and Velika Peina Late Pleistocene hominid remains // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. – 1999. – Vol. 96. – P. 12281 – 12286.

Stepanchuk V.N. Prolom II, a Middle Paleolithic Cave Site in the Eastern Crimea with Non-Utilitarian Artifacts // Proceedings of the Prehistoric Society. – 1993. – Vol. 59. – P. 17 – 37.

Street M., Therberger T. The German Upper Palaeolithic 35,000 – 15,000 BP. New dates and insights with emphasis on the Rhineland // Hunters of the Golden Age. The mid Upper Palaeolithic of Eurasia 30,000 – 20,000 BP / Eds. W. Roebroeks, M. Mussi, J. Svoboda, K. Fennema. – Leiden: University of Leiden, 2000. – P. 281 – 297.

Stringer C.R., Gamble C. In Search of the Neanderthals. – N.Y.: Thames and Hudson, 1993. – 247 p.

Taborin Y. Les prémices de la parure // Paléolithique moyen récent et Paléolithique supérieur ancien en Europe. Ruptures et transitions: examen critique des documents archéologiques. Colloque Nemours 1988 / Ed. C. Farizy. – Nemours:

A.P.R.A.I.F., 1990. – P. 335 – 344. – (Mémoires du Musée de Préhistoire d'Ole de France; N 3).

Tattersall I. The Last Neanderthal. – N.Y.: Nevaumont Publishing Company, 1995. – 208 p.

The Middle Paleolithic of Western Crimea / Eds. V. Chabai, A.E. Marks. – Liège: Université de Liège, 1998. – Vol. 1. – (ERAUL; N 84).

Trnka G. Ein neuer paläolithischer Blattspitzenfund aus Schletz in Niederösterreich // Archäologie Österreichs. – 1990. – N 1. – S. 20 – 27.

Uthmeier T. Vier Fundplätze vom Keilberg/Stadt Regensburg und der Beginn des Jungpaläolithikums in Bayern. – Köln: Universität zu Köln, 1994. – 294 p.

Uthmeier T. Micoquien, Aurignacien und Gravettien in Bayern – Eine regionale Studie zum Übergang vom Mittel- zum Jungpaläolithikum: Dissertation. – Köln: Universität zu Köln, 1998. – 609 S.

Uthmeier T. Stone tools and subsistence patterns during the Late Middle Paleolithic and the beginning of the Upper Paleolithic along the Valley of the Danube in Bavaria (Germany) – A regional approach // Neanderthals and Modern Humans – Discussing the Transition. Central and Eastern Europe from 50 000 – 30 000 BP / Eds. J. Orschied, G.-C. Weniger. – Mettmann: Neanderthal Museum, 2000. – P. 133 – 150. – (Wissenschaftliche Schriften des Neanderthalsmuseums; Bd. 2).

Uthmeier T. Grundformerzeugung im Frühen Jungpaläolithikum // Artefakte vom Altpaläolithikum bis zur Neuzeit / Hrsg. N. Conard, H. Floss. – Tübingen: Mo Vince Verlag (in press).

Vértes L. Tata: Eine mittelpaläolithische Travertinsiedlung in Ungarn. – Budapest: Archaeologica Hungarica, 1964. – 284 p.

Wagner E. Das Mittelpaläolithikum der Großen Grotte bei Blaubeuren (Alb-Donau-Kreis). – Stuttgart: Theiss-Verlag, 1983. – 87 S. – (Forschungen und Berichte zur Vor- und Frühgeschichte in Baden-Württemberg; Bd. 16).

Weissmüller W. Eine Korrelation der delta-O18-Ereignisse des grönländischen Festlandeseis mit den Interstadialen des atlantischen und des kontinentalen Europa im Zeitraum von 45 bis 14 ka // Quartär. – 1997. – Bd. 47/48. – S. 89 – 112.

Weniger G.-C., Orschied J. Preface // Neanderthals and Modern Humans – Discussing the Transition. Central and Eastern Europe from 50 000 – 30 000 BP / Eds. J. Orschied, G.-C. Weniger. – Mettmann, 2000. – P. 8 – 12. – Wissenschaftliche Schriften des Neanderthalsmuseums; Bd. 2).

White R. Rethinking the Middle/Upper Palaeolithic transition // Current Anthropology. – 1982. – Vol. 23. – P. 169 – 192.

Wolpoff M.H. Multiregional Evolution: the Fossil Alternative to Eden // The Emerge of Modern Humans / Ed. P. Mellars. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 1989. – P. 62 – 108.

Zimmermann A. Zur Bevölkerungsdichte in der Urgeschichte Mitteleuropas // Spuren der Jagd – die Jagd nach Spuren. Festschrift für Hansjürgen Müller-Beck / Hrsg. I. Campen, J. Hahn, M. Uerpmann. – Tübingen, 1996. – S. 49 – 62. – (Tübingen Monographien zur Urgeachichte; Bd. 11).

Материал поступил в редколлегию 18.10.2001 г.